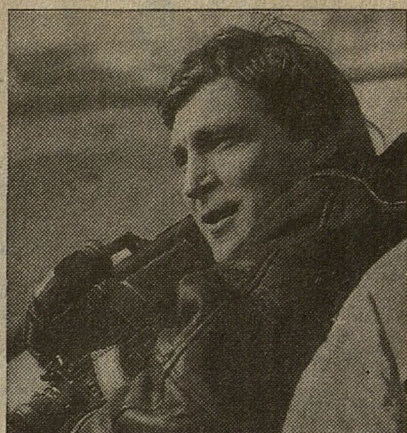

суб-
газ. 1991 - 13 нояб. (445) - с. 3

Александр НЕВЗОРОВ: О СЕБЕ

— 33 года, ничего специального не заканчивал, работу видите на экранах своих телевизоров.

...А БОРИС ЕЛЬЦИН ВСЕ-ТАКИ «НАШ»

Он безусловно хорош, и хорош сильно. Но он, выражаясь образно, представляет интересы совершенно другого класса, другого социального пласта, в который никогда не попадут ни я, ни миллионы и миллионы сограждан. Он представляет интересы класса предпринимателей, мелких советских буржуа (нарождающихся и уже имеющих), а также определенных западных бизнесменов. Очень толково и грамотно создает для них режим наибольшего благоприятствования. Как репортер, а не как политик, я довольно точно знаю состояние общества, условия жизни народа, потому что сталкиваюсь с обстоятельствами этой жизни ежедневно, еже часно, ежесекундно... Знаю их лучше, чем Собчак и многие другие. По всем моим наблюдениям, для этого народа ничего не делается. Все делается для удобства жизни того самого социального слоя, о котором я говорил.

Не скрою: я был искренне счастлив в первые часы 19 августа. Но только в первые часы... У меня две версии происшедшего: либо это была инсценировка, либо — попытка законного правительства страны выполнить свои законные обязанности. Выполнение этих обязанностей так страшно затрагивало интересы другой партии власти, что первые решились на переворот. Переворот с примесью инсценировки. По моему мнению, среди крайне несимпатичной компании ГКЧП вполне мог быть провокатор. Поясню: допустим, банда из двух человек готовится взять банк. Появляется третий, говорящий, что у него все схвачено: менты не придут, сигнализация отключена — все в порядке. Банда идет на «дело» и — всех берут. Третьего потом отпускают для последующей работы. Не исключаю — среди ГКЧП был этот «третий».

Так вот, я был в полном недоумении к вечеру 19-го... Прежде всего по поводу своей судьбы. Было обидно — все происходит без меня. А программа ГКЧП, между прочим, была прекрасна по содержанию, правда, весьма дурно написана. Ну, а если бы они победили — я не пел бы им «Славу».

4. В отличие от моих приятелей-демократов, считаю, что должны существовать все газеты и все теле- и радиопередачи. Тенденциозные — тоже. Что такое тенденциозная передача? Это когда факт осмысливается с определенной точки зрения. Факт этот служит укреплению той или иной системы восприятия или ценностей. Нетенденциозный журналист немногого стоит. Такого журналиста может заменить простой компьютер. Западные корреспонденты грешат той же тенденциозностью. Правда, делают тамешные программы на исключительно высоком профессиональном уровне. Нам до них по части массовой пропаганды, компостирования мозгов, ох, как далеко! Из наших телепередач самая тенденциозная — моя. Более тенденциозной я не знаю.

5. Слово «провокация» нужно произносить, имея доказательства. Я готов отвечать, если кто-либо уличит меня в провокационности моих речей. Обратимся к истории: выступление Кузьмы Минича Сухорукого в Нижнем Новгороде в 1612 году с точки зрения польской пропаганды было страшной прово-

кацией. Любое патристическое выступление того же Михаила Илларионовича Кутузова в 1812-м — тоже провокация против европеизирования России французами.

Если говорить о днях сегодняшних, то не вижу ничего провокационного в суждениях моих так называемых оппонентов. Несмотря на кошмар происходящего в стране, пока что демократия не причинила ей особого вреда. По крайней мере, не больше, чем татары, французы или поляки в 1612 году. Когда же различные демократические органы ставят мне клеймо «провокатор», я не отвечаю им тем же.

С определенной точки зрения (подчеркиваю — не с моей!), можно ведь и призыв Ельцина идти к Белому дому спасать его власть назвать провокационным. Возникает смешная параллель: призыв к народу Ельцина в августе 91-го и призыв того же Кузьмы Минича в 1612-м. Однако Ельцин и антипод Минича (Минича Сухорукого)! Изложим события августовского путча языком древней летописи. Получится примерно следующее: Великое княжество Московское **ликует** по поводу того, что лишилось всех своих завоеваний, а миллионы братьев остались на чужих землях, под волей чужого народа, фактически на положении рабов. **Ликует**, что государственность России — идея фикс всех наших правителей — размолочена и повержена в прах. **Ликует**, что страна лишилась всех своих вооружений, самой возможности защитить себя. Не знаю уж, как языком летописи сказать о ядерных щитах. Так что какой тут Кузьма Минич! При этом я глубоко убежден: Борис Николаевич Ельцин в моем понимании — «наш». Он относится к «нашим». Рано или поздно он совершит прорыв от тех, кто, по сути дела, его пасет, им управляет. Он уйдет от них, потому что никакой он не демократ. Этот человек ничего общего с демократией не имел, не имеет и иметь не будет. Меня многое в нем привлекает, хотя борется за целостность России он хреново.

6. Беда моя в том, что я не смотрю телевизор (у меня его просто нет), пишу лишь «Коневодство и конный спорт» и «Охоту и охотничье хозяйство». Все остальные точки зрения средств массовой информации меня не интересуют. Вашу газету не читаю, но слышал, что она сильно демократическая. Но вот я же отвечаю на вопросы «Литературной газеты». А ведь ваша газета — прямой оппонент газете «День», в редакции которой я состою, правда, тоже не читаю. Только что я принял предложение эстонских тележурналистов выступить вместе с ними в прямом эфире. Я только поставил условие, чтобы в зале было не менее шестидесяти человек и среди них не было бы ни одного русского. Мне так интересно — сражаться одному, без помощников. Для того чтобы отказывать в интервью по политическим мотивам, надо быть демократом.

Что касается выступления в программе Владимира Молчанова, надо подумывать. Выдвинул кое-какие условия, наверное, согласился бы. Но предложение от него пока не поступало.

1. Граница эта проходит исключительно по Уголовному кодексу. И нигде более. Вообще я — за силовые приемы, даже и в так называемой идеологической борьбе. Было бы с кем бороться!.. Уважаю и те силовые приемы, которые используют против меня. Скажем так: если бы у меня был достойный противник, могу заверить, что нашел бы достаточное количество серьезного компромата на него (компромата любого характера). И ни на минуту не задумался бы, употребить ли его. Наша программа — передовой край оппозиции, окоп, по которому елозят чужие танки и который периодически засыпается. Но, откопавшись, мы продолжаем бой. Однако настоящих противников я вокруг не вижу. Много читаю о себе всякой всячины (иногда с большим удивлением), но при этом понимаю тех, кто выступает против меня, нарушая те самые «этические нормы», потому что сам поступаю так же.

2. Процесс «подглядывания в замочную скважину» должен быть выполнен высокопрофессионально. Зрим и силен образ, стоящий за этим словосочетанием. А если по существу, в настоящее время я не испытываю необходимости в подобном способе получения информации: программа обладает разветвленной сетью информационной разведки и большим количеством помощников. Подглядывать чужими-то глазами согласен — не вижу в том ничего дурного. Ни за один сюжет «600 секунд» мне не стыдно. И когда мне приносят важные для меня документы, я не спрашиваю: а не краденые ли они? Что касается влезания в личную жизнь граждан и «интим» — что ж, я и за это. Не так давно такую попытку осуществила в отношении меня супруга Собчака, рассказав в интервью газете «Смена» об обстановке моей квартиры. Выражаю ей благодарность за использование любимого мной силового приема. Теперь и у меня в отношении четы Собчаков руки развязаны. Конечно, в известной степени.

3. Оппозиция — условие существования любой власти. Я, к примеру, не оппозиционер тому же Собчаку. Не считаю, что он подл, безграмотен, бездарен или чем-то совсем уж нехорош.